

Кодыбайкин Сергей Николаевич

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

**К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТИ
КРЕСТЬЯНСКИХ ПРОМЫСЛОВ ЧУВАШСКОЙ ДЕРЕВНИ И
МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЧУВАШСКОМ КРАЕ В
УСЛОВИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Аннотация: в статье рассматриваются факторы модернизации чувашского крестьянского хозяйства через развитие крестьянских промыслов в условиях развивающихся товарных отношений. Проанализированы причины и особенности основных тенденций кустарно-ремесленного производства чувашской деревни во второй половине XIX – начала XX в.

Ключевые слова: крестьянские промыслы, товарно-денежные отношения, традиционные ремёсла, капиталистический уклад.

Период второй половины XIX – начала XX вв. в истории народов России отмечен как один из наиболее важных этапов модернизации по глубине и значимости преобразований традиционного крестьянского общества. Вероятно, особенно заметно эти процессы протекали на «национальных окраинах» Российской империи, к которым можно отнести и территорию Чувашского края. Товарные отношения в среде чувашского крестьянства становятся заметными в XVIII веке. Но именно в рассматриваемый период они, приобретая черты капиталистической эпохи, начинают разрушать многовековые устои традиционного хозяйства.

Переход от крепостной стадии развития российской экономики к капиталистической имел свои, отличные от Запада, черты. Одну из них выделил П.Г. Рындзюнский: «Существенной особенностью процесса перехода к капитализму было то обстоятельство, что здесь менее сильно выразился режим мел-

ких собственников в деревне по сравнению с тем, как это было в передовых западноевропейских странах. Эта особенность отличала проникновение капиталистической системы в русскую деревню. Отсюда широкое распространение промыслов в сельском населении России и преобладание несамостоятельных производителей» [13, с. 254]. Мысль известного исследователя-аграрника представляется справедливой, но на сегодняшний день несколько ограниченной. Признавая несомненную важность фактора социально-экономических условий, нельзя ограничиваться только ими, рискуя впасть в своего рода социально-экономический детерминизм. Как показывают последние исследования, социально-экономические условия подвергались значительным влияниям иных – этнических, природно-экономических, культурно-исторических факторов. Их совокупность, различная в разных национальных регионах России, обусловила неповторимые особенности процесса модернизации у разных этносов. Особое место в этом процессе, на наш взгляд, принадлежало крестьянским промыслам. С одной стороны, они являлись обязательным, быстро развивающимся компонентом сельской экономики, присущим крестьянскому укладу изучаемого периода, с выраженным товарными показателями. Уже поэтому их основные характеристики в разных регионах во многом совпадали, что обуславливалось макрохарактеристиками развития российской экономики. С другой стороны, этнические, природно-экономические, культурно-исторические условия накладывали свои особенности на темпы, масштабы развития крестьянских промыслов и их место в различных национальных культурах или экономиках. Данная работа является попыткой дать основные характеристики месту и роли промыслов чувашских крестьян в условиях меняющейся социокультурной среды чувашского этноса второй половины XIX – начала XX веков с целью осмысливания исторического опыта.

В дореформенный период кустарные промыслы чувашских крестьян не носили ярко выраженного товарного характера. Эти производства были непостоянными и в большей степени домашними. Гораздо шире промыслы распространялись на юге края, где компактно проживали русские крестьяне. В поре-

2 <https://phsreda.com>

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

форменный период идёт процесс быстрого вовлечения чувашских крестьян в буржуазные отношения в масштабе страны, в том числе и через кустарные промыслы. Хотя даже при высоких темпах этого процесса уровень буржуазных отношений в Чувашском крае оставался низким и в начале XX века.

Природно-географические и социально-экономические условия развития Чувашии во второй половине XIX – начале XX веков, с одной стороны, затрудняли развитие крестьянской промышленности – проблемы с использованием сырьевой базы (постоянно дорожающий лес), недостаток средств, слабое развитие товарных отношений. С другой – стимулировали его: аграрная перенаселённость и нехватка пахотной земли, активное проникновение торгового капитала, рынок дешёвой рабочей силы, близость к крупным промышленным центрам. Такая двойственность ситуации во многом обусловила специфику развития крестьянской промышленности края.

Первое место, как по числу крестьян-кустарей, так и по масштабам производства, занимали промыслы по обработке дерева. Издревле древесина была самым распространённым сырьём для изготовления большинства необходимых в хозяйстве вещей, а как строительный материал – единственным. Это сырье было распространённым и дешёвым, местное население имело давние традиции в его обработке. Но относительно доступным для крестьян оно осталось до второй половины XIX века. Близость этого лесистого края к одному из центров российской экономики вызвала экспансию со стороны торгового капитала. Сначала лесные, а затем и трудовые ресурсы, сначала вдоль водных артерий, а потом и вблизи железной дороги (с 1893 г. начала функционировать Московско-Казанская железная дорога), попадают под власть лесопромышленников. При этом подавляющая часть их была представлена не местными, в том числе иностранными, предпринимателями. Местные крестьяне, с одной стороны, имеющие необходимые навыки в ремёслах, а с другой – задавлённые малоземельем, многими платежами и в силу традиций и государственной политики привязанные к своей земле, становились выгодными работниками. Особенно это заметно на примере кулеткацких мануфактур рассеянного типа и лесоразработок.

К началу XX века торговый капитал захватывает основные позиции в крестьянской промышленности, способствуя не столько экономическому прогрессу, сколько превращению края в поле деятельности торгово-ростовщических монополий типа Торгового дома Тихомирновых, в чьих руках была сосредоточена основная часть рогожно-кулеткацкого производства северных уездов Чувашского края. Реальные доходы кустарей массовых промыслов, в результате всё усиливающейся эксплуатации, к началу XX века опускаются до крайне низкого уровня: почти полгода тяжёлого труда давали около 14% годового дохода (сезон длился до 170 дней) крестьянина-кулеткача [9, с. 300]. Московский профессор Н.А. Филиппов называл заработки скучными и оценивал чистый доход в 105 рублей на один стан (3 работника) [14, с. 356], но по данным Акулевского и Янгильдинского волостных правлений в начале XX века кулеткач зарабатывал ещё меньше – около 10 руб. в год; Тогашевского – до 20 руб. и т.п. [1, л. 33; 4, л. 22–23; 5, л. 23]. Таким образом, доходы были невысокими. Почему же крестьяне считали возможным затрачивать такие усилия при, казалось бы, явной нерентабельности промысла? К тому же он был очень тяжёлым – рабочий день кулеткача доходил до 18 часов в антисанитарных условиях. А занимались этим промыслом в северной Чувашии целыми селениями «в возрасте от 9 до 45 лет, не исключая и женского пола» [2, л. 24].

Сначала необходимо выяснить, какие заработки считались большими, а какие – нет. Среди чувашских крестьян Цивильского уезда доходы от промыслов до 12 рублей оценивались как низкие: «эти заработки особого значения для крестьянского хозяйства не имеют, но служат больше подспорьем в домашнем обиходе (покупают чай, сахар, мыло и т.п.)». Доходы до 25 рублей (сапожники, бондари, портные) оценивались как имеющие «для населения большое значение, так как благодаря им население в годы выше среднего урожая эти заработки идут на приобретение предметов домашнего обихода и отчасти для покупки мыла, скота и ремесленных построек». Наконец, доходы до 40–50 рублей (вальяние сапог, выделка овчин) «имеют существенное значение для населения этих обществ...» [7, л. 21, 28, 43, 45]. В 1909 г. о мастере из с. Асакасы Ядрин-

ского уезда, делавшем деревянную утварь (ковши, блюда, лукошки и др.), писалось, что его «...доход несомненно порядочный. Ежегодная выручка от сего ремесла предполагается от 20–30 руб. средним» [16, л. 243]. Интересно сравнить эти цифры с аналогичными показателями русских крестьян Порецкого – развитого в плане промыслов и торговли села Алатырского уезда, находящегося примерно в 100 км от г. Цивильск. По сведениям за 1897–1900 гг. самые низкие заработки показаны у изготовителей прялок и шапок – 60; у портных и рогожников – 150; у колёсников и скорняков – самые высокие – 200 рублей в год [6, л. 24–27].

Разница в заработках чувашских и русских кустарей получается существенной. Объяснить это можно тем, что чувашские крестьяне продолжали видеть себя именно крестьянами, т.е. считать хлебопашество главным занятием. А промыслы рассматривались только как подспорье к нему. Почему бы немного не заработать в дни, свободные от земледелия? Бросить же земледелие, податься в город для многих чувашей пока ещё было немыслимо. Как бы ни было тяжело положение сельского кустаря, оно было для него «предпочтительнее всякого другого, для него возможного (при прочих равных условиях)» [15, с. 88]. Только так он мог оставаться крестьянином.

Были, конечно, и другие промыслы, развитие которых требовало немалого первоначального капитала (кожевенный, красильный). В этом случае крестьяне, имевшие этот капитал, имели возможность использовать местную дешёвую рабочую силу. Ещё выгоднее было использовать средства в качестве посреднического капитала: предпримчивые крестьяне часто становились контрагентами крупных фирм (например, кулеткацких). В то же время были промыслы, которые требовали особых навыков и обеспечивали хорошие заработки, а скupщики не мешали, но способствовали этому, поддерживая стабильно высокий спрос на изделия (производство тарантасных корзин крестьянами Чебоксарского уезда, изготовление музыкальных инструментов).

Таким образом, развитие мелкой крестьянской промышленности способствовало не только дальнейшему имущественному расслоению крестьянского

общества, но и усложняло его общественную структуру, способствуя формированию слоя крестьян-предпринимателей. Причём крестьян не по принадлежности к этому сословию, а по их главному занятию, каковым они полагали земледелие, так как продолжали считать крестьянский труд главным.

Торговый капитал, получая большую прибыль с промыслов, естественно, увеличивал и объёмы этих производств. В начале XX века изделия кустарей получают широкое распространение: кули и рогожи, продукты сухой перегонки древесины – по всему Среднему и Нижнему Поволжью, бочарная клепка – за границу, лапти, тарантасные плетёнки и бондарные изделия – в соседние регионы. И хотя Чувашский край в этот период отставал от ряда регионов по развитию крестьянских промыслов, темпы развития кустарных производств были очень высокими. Относительно широко развиваются промыслы по изготовлению одежды, обуви и сырья для этого. Особенно быстро получает развитие портняжное дело. Промыслы не были незнакомыми для местного населения, но только в пореформенный период они вышли за рамки домашнего ремесла.

Вместе с тем не все промыслы расширяются и приобретают черты, характерные для новой эпохи. Кузнечный промысел, запрещённый на протяжении почти двух столетий (XVII и XVIII вв.), вплоть до 1920-х годов сохранял в большинстве своём средневековую структуру. Примитивные орудия и технологии у многих чувашских кузнецов и нехватка железа не позволяли им в полной мере включиться в новые социально-экономические отношения. Многие из них занимались только «починкой старого железа», имея такие заработки, которые не позволяли им перестать заниматься земледелием.

Заметное влияние на культуру чувашей оказала русская культура. Это было связано, в том числе, с более передовыми приёмами производства и изменениями в быту. Последние, в свою очередь, вызывали необходимость наличия соответствующих мастеров на местах. В особенности это касается строительных промыслов, некоторые из которых в традиционном быте чувашской деревни ранее просто отсутствовали. Именно на рубеже XIX – XX вв. чувашские крестьяне активно переселяются в дома по-белому, что вызывает необходи-

мость освоения таких ремёсел, как столярное, стекольное, малярное, кровельное, печное, кирпичное производство, а также более высокие требования к плотницкому мастерству. Новые ремёсла быстро перенимались чувашскими мастерами, но для этого должны были складываться определённые условия. В 1853–1856 гг. власти Шибылгинской волости Цивильского уезда пытались организовать производство кирпича, но несмотря на очень выгодные условия, у них ничего не получилось [3, л. 13], а через полстолетия уезд выходит на второе место в Казанской губернии по крестьянскому производству кирпича.

В означенный период материальная культура чувашского крестьянства испытывала сильное влияние русской культуры и, в немалой степени, через промыслы. Через изменение материальной культуры изменялось и мироощущение крестьян. Интересный факт развития столярного ремесла среди чувашей приводит Н.В. Никольский: «Столяры выделяют не только мебель; некоторые с успехом выделяют модели птиц, животных, домов и других построек. Ядринские чуваши думают, что столярное искусство постепенно усовершенствуется: столяры будут уметь делать летающих уток, а, может быть, и летающие лодки (сказка Ядринского уезда)» [12, с. 68].

Больше всего влиянию иной культуры подвергались те чувашские крестьяне, которые занимались отхожими промыслами. Отношение к отходничеству со стороны односельчан было неоднозначным. Учитель В.Д. Дмитриев из русско-чувашской деревни Малое Шемякино Тетюшского уезда отмечал, что жители деревни считали отхожие промыслы весьма полезными не только из-за заработков, но и потому, что они просвещали людей, открывали им мир, учили жить порядочно [8, с. 114]. Вместе с тем этот опыт модернизации являлся и фактором разрушения традиционных устоев чувашского общества. «Молодое поколение, живя во время работы среди русских, весьма портится в нравственных отношениях. Из послушного молодца, отчасти и религиозного, получается непослушник родителям, похабник, любитель спиртных напитков. Хотя заработка очень достаточный для крестьянина, но в нравственном отношении производит дурное влияние» – сообщалось в начале XX века [17, л. 23–24]. «Отхожие

промышлены, по воззрениям чуваш, расширяют их кругозор, но те же промышлены портят чуваш: заражают их дурными взглядами, болезнями и т. д.» – писал первый чувашский профессор в 1919 г. [12, с. 71]. Наверное, совсем не случайно руководитель Чемеевского восстания 1906 г. – одного из крупнейших восстаний чувашских крестьян начала XX в. – И. Морев был из крестьян-отходников.

Уровень и темпы развития крестьянских промыслов в разных регионах Чувашского края заметно отличались. Если общая картина показывала высокую положительную динамику, то локальные показатели заметно разнились. В уездах со смешанным, в этническом плане, населением – Козьмодемьянском, Буйинском, отчасти Чебоксарском – промышлены получали широкое, а порою абсолютное распространение (ряд чувашских волостей Козьмодемьянского уезда, где почти в каждом доме занимались кулеткачеством). Значительно меньше были развиты промышлены в волостях с почти исключительно чувашским населением. Такие волости обычно располагались в отдалении от основных транспортных магистралей.

Государственная политика по отношению к развитию крестьянских промышленов была противоречивой. С одной стороны, этот процесс являлся положительным фактором экономического развития, и власти пытались стимулировать крестьянскую промышленность: совершенствовалась законодательная база, организовывалась помощь в неурожайные годы, содействовалось развитию ремесленного образования. С другой стороны, в правительстве долго шли дискуссии о путях развития аграрного сектора экономики, и государство никак не могло занять в этом вопросе чёткую позицию, а значит, выработать оптимальный вариант аграрной политики, в том числе по отношению к крестьянским промышленам.

Несмотря на то что уже в 80-е годы XIX века большинство промышленов находилось на уровне мелкотоварного производства, ремесло домашнего характера продолжало распространяться в среде сельского населения. При этом наблюдаются противоречивые, на первый взгляд, тенденции. В начале XX века губернская и уездная статистика отмечает значительное сокращение красильно-

го промысла: красильщики не выдерживают конкуренции со стороны крупной промышленности. Но при этом число крестьян, красивых «для себя» (то есть не на продажу), увеличивается. В 1912 году из Ядринского уезда сообщалось: «Раньше красильщиков было мало, теперь уже каждая хозяйка красит сама»; в 1915 г. из того же уезда: «до начала войны красильщики были почти во всех деревнях» [18, л. 365]. Интересно отметить, что по данным официальной статистики промыслы в этом, преимущественно чувашском, уезде были развиты слабо, а красильного производства практически не было. То есть процесс модернизации в данном случае выражался в совершенствовании традиционного (то есть не товарного) хозяйства через освоение крестьянами ещё одного вида домашнего ремесла.

Главным содержанием развития аграрного сектора экономики рассматриваемой эпохи, на наш взгляд, явилось развитие товарных отношений в условиях сложившейся многоукладности экономики, но при этом продолжалось развитие самых разных форм хозяйствования. Промыслы крестьян приобретали капиталистический характер преимущественно там, где торговый капитал извлекал из этого выгоду. А в регионах, не представлявших интерес для крупных промышленников, продолжали развиваться промыслы, «колебавшиеся» от домашнего ремесла к мелкотоварному производству. Справедливым является высказывание А.В. Гордона: «...семейное хозяйство, крестьянское, фермерское, ремесленное, и под давлением законов капиталистического накопления сохраняло свою альтернативную организацию. Научно-технический прогресс не только не требует однозначно ликвидации последней, но напротив создаёт известные предпосылки её устойчивости в виде сравнительно дешёвых, простых и компактных средств новейшей агротехнологии...» [11, с. 373]. Таким образом, многообразие форм ремесленного производства сельскими кустарями оказалось возможным именно на путях развития модернизационных процессов. Не случайно в 1908 г. В.И. Ленин писал: «...поддержка кустаря, т.е. мелкой собственности в промышленности, никогда не может быть делом социал-демократов, как деятельность безусловно и при всяких обстоятельствах реакционная» [10, л. 265]. Для большевиков, по из-

вестным причинам, был необходим буржуазный путь развития России по западному образцу, и поэтому они иной путь развития деревни (то есть многоукладный) в начале XX в. не считали прогрессивным явлением.

Количественные и качественные показатели развития промыслов чувашских крестьян в конце XIX – начале XX вв. приводят к выводу, что неземледельческие занятия землепашцев, не являясь абсолютно новым фактором развития крестьянского хозяйства, в условиях вступления российского общества в буржуазный период развития вышли за пределы традиционного общинного уклада и стали условием и одновременно фактором модернизации в наиболее выгодной для крестьян форме. Формирующаяся многоукладность чувашской деревни явилась, в свою очередь, не переходным этапом социально-экономического развития, а показателем её модернизации.

XX век обрушил на страну самые разные политические и социально-экономические коллизии. Но на сельских базарах и ярмарках Чувашии всегда можно было видеть изделия крестьянского промысла: кадушки и коромысла, лапти и колёса, плетёные и самые разные другие изделия. И в начале XXI века сельская экономика республики продолжает сохранять свой потенциал. Исходя из этого, актуальным является обращение к опыту наших предшественников. Задачей государства в этих условиях является выработка мер по стимулированию развития промыслов, прямой помощи сельским кустарям. Кризисные явления вызвали необходимость изменения экономической политики государства. Начиная с середины 1990-х гг., рядом нормативных актов (Указ Президента РФ от 7.10.1994 «О мерах государственной поддержки народных художественных промыслов», Федеральный закон от 6.01.1999 «О народных художественных промыслах», отдельные акты Правительства Российской Федерации о народных художественных промыслах и др.) государство попыталось создать благоприятные условия для развития кустарного производства. Значительные меры принимало правительство Чувашской Республики. Постановлением Кабинета Министров ЧР от 17.12.1996 г. были утверждены «Мероприятия по развитию и возрождению традиционных художественных промыслов Чувашской

Республики на 1997–1999 гг.», ещё более проработанной и детальной является Республиканская программа сохранения и развития народных художественных промыслов и ремесел в Чувашской Республике на 2006–2010 годы (Постановление Кабинета Министров ЧР от 01.12.2005 г.). Попыткой стимулировать ремесленные производства стали, в частности, выставки-ярмарки народных умельцев, периодически проводимые в городах Чувашии, которые привлекают не только местных производителей, но и представителей других регионов страны. Это вселяет надежду на то, что крестьянские промыслы гармонично впишутся в народное хозяйство Чувашии и всей страны, внеся свой вклад в оздоровление и дальнейшее развитие экономики, повышение уровня благосостояния селян.

Таким образом, в условиях современных модернизационных процессов на селе необходимо учитывать условия развития различных регионов с целью повышения эффективности производства, при этом стремиться сделать всё, чтобы с минимальными потерями приспособиться к новым общественным и социально-экономическим условиям. Демократические способы ведения хозяйства на селе возможны, на взгляд автора этих строк, только при максимальном учёте этнокультурных, природно-географических и исторических условий, а не при бездумном копировании западных образцов. В полной мере это относится к сельским промыслам, картина развития которых в современной Чувашии позволяет надеяться на то, что модернизация сельской экономики при активной помощи государства приведёт к современным, эффективным и при этом оригинальным (то есть с учётом местных особенностей) формам хозяйствования.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 46. – Д. 487.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 46. – Д. 516.

3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 51. – Д. 13.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 52. – Д. 535.
5. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 60. – Д. 69.
6. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 148. – Оп. 3. – Д. 121.
7. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 149. – Оп. 1. – Д. 275.
8. Дмитриев В.Д. Общение чувашей с русскими и влияние русской культуры на чувашскую в конце XIX – начале XX веков / В.Д. Дмитриев // Ученые записки ЧНИИ. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1968. – Вып. 40. – С. 103–128.
9. Кузнецов И.Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма / И.Д. Кузнецов // Ученые записки ЧНИИ. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1963. – Вып. XXIV. – 584 с.
10. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 17 / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – 656 с.
11. Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): материалы международной конференции (Москва, 14–15 июня 1994 г.) / РАН, Ин-т российской истории; отв. ред. В.П. Данилов, Л.В. Милов. – М.: РОССПЭН, 1996. – 440 с.
12. Никольский Н.В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / Н.В. Никольский. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2004. – 528 с.
13. Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е годы XIX в.) / П.Г. Рындзюнский; АН СССР, Ин-т истории. – М.: Наука, 1966. – 261 с.

14. Филиппов Н.А. Кустарная промышленность России. Промыслы по обработке дерева / сост. проф. Н.А. Филиппов; при уч. В.А. Петровского, В.П. Родникова, М.К. Спекторского [и др.]; Г.У.З. и З. Отд. сел. экономии и с.-х. статистики. – СПб.: Якорь, 1913. – 470 с.
15. Шепелёв Л.Е. По поводу книги К.Н. Тарновского «Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в.» / Л.Е. Шепелёв // Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время. Историография. Воспоминания. Исследования / РАН, Ин-т российской истории, Санкт-Петербургский филиал; отв. ред. А.Н. Цамутали. – СПб., 2002. – 200 с.
16. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). – Отд. 1. – Ед. хр. 167.
17. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). – Отд. 1. – Ед. хр. 174.
18. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). – Отд. 1. – Ед. хр. 277.
19. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). – Отд. 1. – Ед. хр. 287.